

СЕРЬЕЗНЫЙ

И, вообще, весьма одеситам и одеситкам... милая, конечно, с деньгами и кошельком...

Митридатъ

На Рождество.

Всё святилось вокруг, как-бы миг стало несладко... И вот, в эту самую минуту, как-бы миг стало несладко...

А здесь, на сцене, в маленьком городишке, где все верто и дуго, время светлого солнца не могло...

И я думаю, что в этот вечер, когда мы будем читать эти стихи, кто-нибудь из вас скажет...

Что же ты не любишь, Люба? Любишь ли ты меня, Люба? Любишь ли ты меня, Люба?

Люба краснела все больше и больше и прятала от меня безумных пожеланий...

Люба краснела все больше и больше и прятала от меня безумных пожеланий...

Люба краснела все больше и больше и прятала от меня безумных пожеланий...

Люба краснела все больше и больше и прятала от меня безумных пожеланий...

Люба краснела все больше и больше и прятала от меня безумных пожеланий...

Люба краснела все больше и больше и прятала от меня безумных пожеланий...

Общественное Общества Велосипед-Любителей

в залах Коммерческого собрания, в субботу, 27 декабря с. г. Плата за вход, (со вкл. благ. общ.) по 50 коп. мужчины 2 р., дамы 1 р., студентов 50 к.

Ю Г Т. Наши корреспонденции. Ялта, 20 декабря. Ялта респектабельно выступила на пути курортного прогресса...

Судья. Одесский военно-окружной суд. Тридцать дней отсидки предельно долгому генерал-майору Демурову...

Театр и музыка. Завтра состоится в зал Коммерческого собрания концерт маэстро Сергея...

Праздничные развлечения. На праздник Рождества артисты в усадебном саду...

Справочный отдел. Мясцесловъ. 25 декабря (6-го января). Реска Гос. Лота наг. Индука Христа...

Учительница Татьяна С. И. Адамовская (дочь). Предлагаю уроки танцев по методу отца...

Деэинфекторъ - Luftreiner. Необходимая принадлежность каждой спальни и детской...

Э. Шкода. Машино-строительный завод. Предлагаю уроки танцев по методу отца...

С. С. Мятгузи. Предлагаю уроки танцев по методу отца...

Ю Г Т. Наши корреспонденции. Ялта, 20 декабря. Ялта респектабельно выступила на пути курортного прогресса...

Судья. Одесский военно-окружной суд. Тридцать дней отсидки предельно долгому генерал-майору Демурову...

Театр и музыка. Завтра состоится в зал Коммерческого собрания концерт маэстро Сергея...

Праздничные развлечения. На праздник Рождества артисты в усадебном саду...

Справочный отдел. Мясцесловъ. 25 декабря (6-го января). Реска Гос. Лота наг. Индука Христа...

Учительница Татьяна С. И. Адамовская (дочь). Предлагаю уроки танцев по методу отца...

Деэинфекторъ - Luftreiner. Необходимая принадлежность каждой спальни и детской...

Э. Шкода. Машино-строительный завод. Предлагаю уроки танцев по методу отца...

С. С. Мятгузи. Предлагаю уроки танцев по методу отца...

Банкирская Контора А. Беневича и К. ВЪ ХЕРСОНЪ, Суворовская улица, домъ Тарле.

Банкирская Контора Е. С. Лившица ВЪ ХЕРСОНЪ, Суворовская ул., 103333

Движение пароходовъ. Рус. Общ. Пароц. и Тор. с 21-го декабря по 26-е декабря 1897 г.

Торговля и промышленность. Коммерческие телеграммы. Товарный отдѣл.

Бухгалтерия. ВЪ ЯЗЫКИ ПО НОВѢЙШЕМУ МЕТОДУ. Преподаетъ бухгалтерію (двойную итальянскую) лично и посредствомъ переноски...

Губернаторъ. бонны, губернаторы, равно прислугу. при самой строгой проверкѣ доставляетъ справочное бото Воланскаго.

Справочный отдѣлъ. Мясцесловъ. 25 декабря (6-го января). Реска Гос. Лота наг. Индука Христа...

Учительница Татьяна С. И. Адамовская (дочь). Предлагаю уроки танцев по методу отца...

Деэинфекторъ - Luftreiner. Необходимая принадлежность каждой спальни и детской...

Э. Шкода. Машино-строительный завод. Предлагаю уроки танцев по методу отца...

Новый выбор новых па-
тентованных предметов
и патентованных парков...

Для выбора новых па-
тентованных предметов
и патентованных парков...

Музыкальные инструменты
Музыкальные инструменты
Музыкальные инструменты...

Музыкальные инструменты
Музыкальные инструменты
Музыкальные инструменты...

Музыкальные инструменты
Музыкальные инструменты
Музыкальные инструменты...

Музыкальные инструменты
Музыкальные инструменты
Музыкальные инструменты...

МЕБЕЛЬНАЯ ФАБРИКА

Принимается всевозможные заказы на мебель в строго
и издержанных стилях, а также устройство магазинных остано-
вок, тщательная упаковка и перевозка мебели с ручательством за
Надеждинская, д. Фонъ-Деше, противъ Гор. Кредитнаго Общества

Т. ЧЕКАНОВА

Открыта подписка на 1898 г.
ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ
большой ежедневный художественно-литературный иллюстриро-
ванный журнал.

ЛЮНСКИЙ КРЕДИТЪ
ОСНОВАНЪ ВЪ 1863 ГОДУ.
КАПИТАЛЬ Фр. 200.000.000.
АГЕНТСТВА ВЪ РОССИИ.

Table with financial data for the Lyons Credit Bank, including columns for 'Активъ' and 'Пассивъ' with sub-headers for 'Въ С.-Петербургѣ', 'Въ Москвѣ', 'Въ Одессѣ', and 'ИТОГО'.

ВАЖНО для всехъ,
нужающихся на дому,
новозобретенный аппаратъ
„ТЕГМОСЪ“

Рижская
РЕЗИНОВАЯ МАУФАКТУРА
И. В. МЮНДЕЛЬ
ОСНОВАНА ВЪ 1864 ГОДУ
ПРОСИТЬ ПРИ ПОКУПКѢ
РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ
НА ГОДЪ ОСНОВАНА ФАБРИКИ 1864 г.

СЪЕМНАЯ ТОВАРЛЯ
ЦВЕТЧНЫЙ МАГАЗИНЪ
Ф. ДЮФРЕНЪ
Ришельевская ул., № 7.

Фабричный Магазинъ
ОБУВИ
уголь Енатеринской и Театральной, домъ № 7, рядомъ съ
Лионскимъ Кредитомъ,

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ
СКЛАДЪ
И. ТАЛАЛА
Одесса, Преображенск. ул., № 61/63,

Table with financial data for the Lyons Credit Bank, including columns for 'Активъ' and 'Пассивъ' with sub-headers for 'Въ С.-Петербургѣ', 'Въ Москвѣ', 'Въ Одессѣ', and 'ИТОГО'.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ
НА ГОДЪ ОСНОВАНА ФАБРИКИ 1864 г.

ГУЛЬЕ-БЛАНШАРДЪ,
Эммануилъ Эйссенъ (преемникъ),
Полтова ул., домъ № 3,
ПО ВЕСМА ВЫГОДНЫМЪ ЦѢНАМЪ
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
ПЕЧЕЙ

Возможности сереб. издѣл.
Проектъ-куррантъ высылается бесплатно.
1361-К

Table with financial data for the Lyons Credit Bank, including columns for 'Активъ' and 'Пассивъ' with sub-headers for 'Въ С.-Петербургѣ', 'Въ Москвѣ', 'Въ Одессѣ', and 'ИТОГО'.

14-я
Открыта подписка на 1898 г.
ВОКРУГЪ СВѢТА
ВЪЗВРАТНО
12 МОНЕТЪ
ЖЮЛЯ ВЕРНА.

НЬЮ-ИОРКЪ
ОБЩЕСТВО ВЗАИМНАГО СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ
НОВАЯ КОМБИНАЦІЯ.
Страхованіе съ ежегоднымъ прогрессивнымъ
увеличеніемъ капитала.

НЕЗАМЪТНА НАЛИЦЪ
ТОЛЬКО
ТОУРА ГИГЕНА
РОСКОШНО ЗАПАХА.

ШИВА
66 ДАЕТЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ
ОДНОГО 1898 ГОДА
БЕЗПЛАТНО
полное собраніе сочиненій
ТУРГЕНЕВА

2 РОСКОШНЫХЪ ПРЕМИИ
ПРОФИЛЬ
НА ГОДЪ
Подписчикъ на журналъ получаетъ въ подарокъ...

НЕ ПЕРЕПЛАЧИВАЙТЕ
ЛИШНИХЪ ДЕНЕГЪ
МАШИНЫ ВСѢХЪ КОНСТРУКЦІЙ И СЪСЛАДЪ
ВО ВСѢХЪ
„Настоящая конкуренція“

Л. ПРАУССЪ
УЧИТЕЛЬ ТАНЦЕВЪ
ПЕРШЕЛЬ
въ д. Рафаэловича на Греческой ул. (вблизи
угла Преображенской)

Дозе Восковое Мыло
К. Л. Шлейхъ, въ Берлинѣ,
НЕПОДЪЛНО ТОЛЬКО СЪ ПОЛНОЮ ФИРМОЮ:
Berlin, Jägerstr., 45/46

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ ЧАСОВЪ
Часы новаго золота
нечерниющіе
Я. С. Топпа

ОЗОНОРОДЪ
воздухоочистительная жидкость
для дезинфекціи и освеженія комнатнаго воздуха, приготовленіи автокъ
А. Гревскаго и А. Поповскаго,

ПРОДАЕТСЯ
три десятъ земли
Желаю продать
заводъскладъ

Рояли и пианино Эрнестъ Кансъ.
РОЯЛИ И ПИАНИНО КАПСЪ
РОЯЛИ И ПИАНИНО КАПСЪ
РОЯЛИ И ПИАНИНО КАПСЪ
РОЯЛИ И ПИАНИНО КАПСЪ

НАСТОЯЩІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
ЗИНГЕРЪ
нанучшамъ и наибольшимъ
Рождественскимъ ПОДАРКОМЪ
Высочайше утвержденная Мануфактурная Компания Зингеръ,

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ
Картины, часы, серебро, ювелирные изделия...

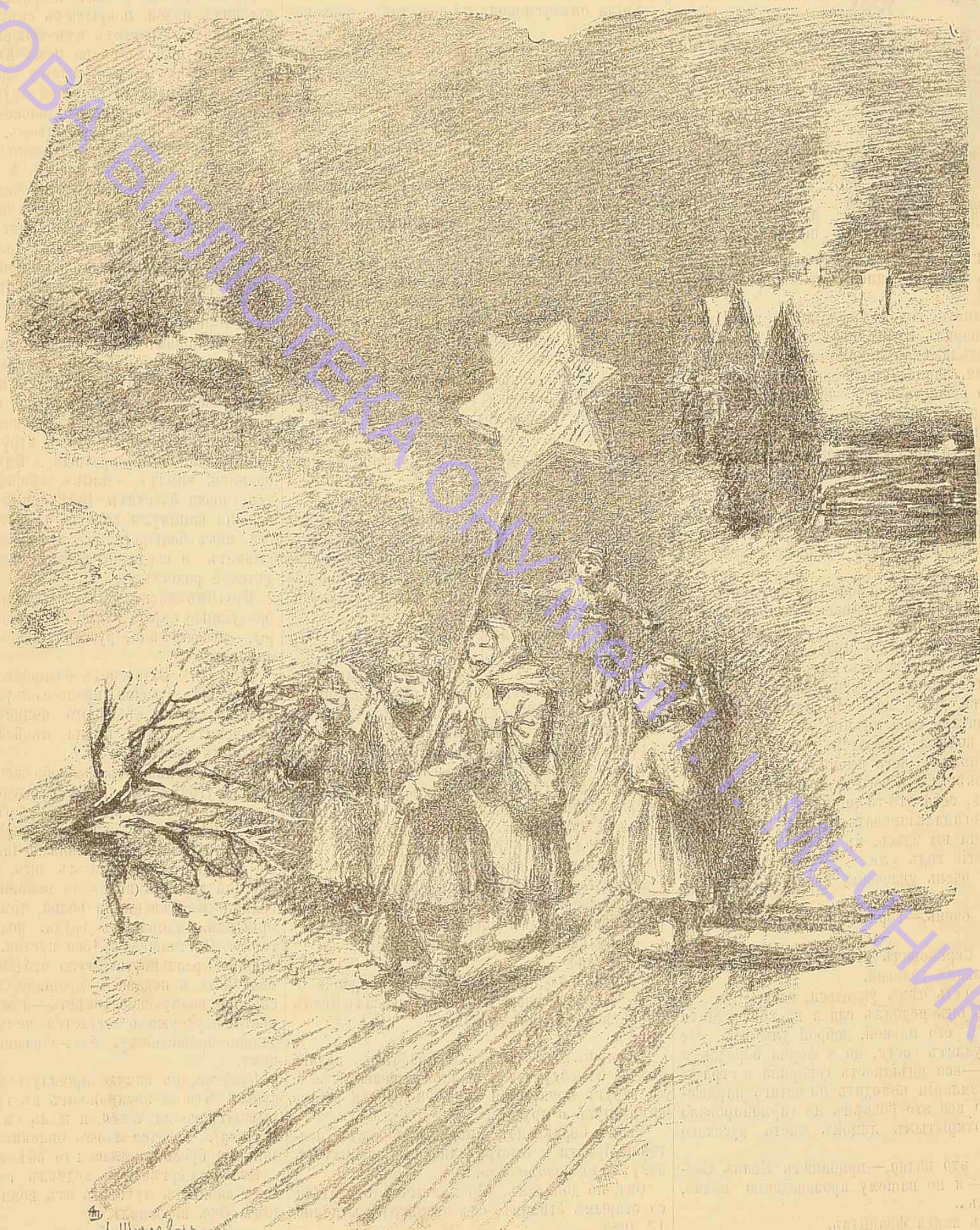
ВТОРОЙ ЛИСТЪ ГАЗЕТЫ

ОДЕСССКІЯ НОВОСТИ

№. 4182.

Четвергъ, 25-го Декабря 1897 г.

№. 4182.

И. Шлявентъ

Рождественская ночь въ деревнѣ.

НА ЧУЖБИНѢ.

Рождественскій этюдъ

Вл. Ив. Немировича-Данченко.

азговоръ шелъ на французскомъ языкѣ.

— Не понимаю, другъ мой, на что вамъ мое мнѣніе о вашей повѣсти?

Молодой авторъ тревожно задвигался на креслѣ. Онъ уже съ полчаса простодушно краснѣлъ отъ волненія.

— Богъ мой! Вотъ вопросъ. Какъ же не дорожить мнѣніемъ такого великаго мастера, какъ вы!

— Полноте, какой я великій мастер! — тихо проговорилъ Иванъ Сергѣевичъ. — Когда-то кое-что сдѣлалъ, а теперь я старый молоскъ, апатичный, равнодушный ко всему, кромѣ физическаго существованія. Поменьше-бы ныло мое плечо, не кололо бы въ груди — вотъ я и счастливъ. Въ дни, когда мнѣ полегче — послѣобѣденный вистъ, немножко музыки... самый лучшій режимъ для той устрицы, въ которую я превратился.

Авторъ повѣсти слушалъ Ивана Сергѣевича съ такимъ видомъ, точно боялся, что вотъ-вотъ какое-нибудь слово пронесется мимо его ушей.

Иванъ Сергѣевичъ смолкъ и задумчиво уставился на абажуръ горѣвшей лампы.

— Простите, пожалуйста... — снова заговорилъ молодой авторъ. — Право, мнѣ кажется, что вамъ не понравилась моя повѣсть, но вы стѣсняетесь оскорбить меня.

— Нѣтъ, другъ мой! Я слишкомъ старъ, чтобы прятать свое мнѣніе. Я только не вижу въ немъ пользы. Впрочемъ, я еще и самъ плохо понимаю, чего именно недостаетъ въ вашей повѣсти. А чего-то недостаетъ. Или, наоборотъ, есть что-то лишнее. Увѣрю васъ, мнѣ трудно анализировать... Я подумаю. Сколько времени вы здѣсь, въ Парижѣ?

— Третій годъ уже.

— Вы очень увлечены Франціей, не правда-ли?

— Да, очень, — горячо отозвался молодой писатель.

Иванъ Сергѣевичъ утвердительно и задумчиво закивалъ головой.

— Да, есть чѣмъ увлечься, есть...

Потомъ онъ поднялъ глаза на собесѣдника и окинулъ его мягкой, доброй улыбкой. Не только туалетъ гостя, но и форма бородки, и прическа — вся внѣшность говорила о страстномъ стремленіи походить на истаго парижанина. Но все это совсѣмъ не гармонировало съ его открытымъ лицомъ чисто русскаго типа.

— Да, это видно, — прибавилъ Иванъ Сергѣевичъ: — и по вашему произведенію видно, и по васъ..

Вошелъ лакей французъ.

— Васъ просятъ къ столу, — обратился онъ къ гостю.

— Идите обѣдать, — сказалъ Иванъ Сергѣевичъ, — мы еще увидимся съ вами.

Въ ту-же минуту онъ простоналъ отъ боли. Онъ хотѣлъ наклониться, чтобы плотнѣе укутать пледомъ ноги, но всякое движеніе причинило ему сильную боль въ плечѣ, въ спинныхъ лопаткахъ и во всей груди.

Гость бросился было къ нему на помощь, но онъ сдѣлалъ знакъ кивкомъ головы, чтобы его не трогали. Онъ старался свободно вздохнуть.

Когда онъ успокоился, онъ тихо проговорилъ.

— «Angine de poitrine»... — подагрическая невралгія сердца... Неопасно, но надо смирно сидѣть.. Идите, до свиданья.

— Вы не обѣдаете?

— Гдѣ ужъ мнѣ! Питаюсь молокомъ да вотъ какой-то гадостью — «polibromure». Шарко прописалъ. До свиданья.

Гость вышелъ Лакей пошелъ за нимъ. Иванъ Сергѣевичъ взялъ лежавшій на столѣ около него № газеты «Republique Française» и погрузился въ чтеніе.

Въ обширномъ кабинетѣ стало тихо. Кабинетъ былъ устланъ коврами, заставленъ мягкой мебелью. По стѣнамъ висѣло много картинъ. На богатыхъ рамахъ игралъ отблескъ свѣта отъ нѣсколькихъ лампъ въ разныхъ углахъ комнаты. Тишину нарушалъ стукъ большихъ мраморныхъ часовъ да шуршаніе газеты. Отъ лампы, стоявшей около Ивана Сергѣевича, падалъ свѣтъ большимъ кругомъ на его колѣни, укутанныя пледомъ, на бархатную тужурку, на газетный листъ, на мягкія брызги сорочки..

Снизу изрѣдка доносились голоса обѣдавшихъ. Иногда долетала до кабинета какая-нибудь фраза прислуги, проходившей мимо лѣстницы на верхъ въ кабинетъ Ивана Сергѣевича.

Иванъ Сергѣевичъ опустилъ газету на колѣни и позвонилъ. Спусти нѣсколько минутъ вошелъ тотъ-же лакей.

— Приготовьте мнѣ для писемъ все, что нужно.

Лакей подошелъ къ большому письменному столу, зажегъ четыре свѣчи подъ зеленымъ шелковымъ абажуромъ, придвинулъ ихъ къ серединѣ стола, осторожно, чтобы не производить большого шума, выдвинулъ одинъ изъ ящиковъ и досталъ оттуда нѣсколько листовъ почтовой бумаги и конвертовъ. Потомъ онъ выбралъ ручку, вложилъ въ нее новое перо и снялъ крышку съ чернильницы.

— Все готово, — тихо заявилъ онъ.

— Помогите мнѣ сѣсть къ столу.

Ивану Сергѣевичу пришлось издать нѣсколько полу-сдержанныхъ стоновъ, пока лакей пересаживалъ его къ письменному столу.

— Больше ничего не прикажете?

— Нѣтъ.

Голоса снизу доносились чаще и громче.

— Закройте дверь плотнѣе, — сказалъ Иванъ Сергѣевичъ въ слѣдъ лакею.

Въ окно пѣтъ-пѣтъ и забарабанить мелкій дождь. Въ саду точно шелкомъ шелестятъ. А то вдругъ пронесется вихрь и деревья застучатъ другъ о друга.

Иванъ Сергѣевичъ придвинулъ листъ почтовой бумаги и быстро написалъ наверху съ боку «5-го января 18»...

Онъ не дописалъ. По привычкѣ считается со старымъ стилемъ, онъ откинулъ мысленно 12 дней.

«Сегодня въ Россіи 24-е декабря», — подумалъ онъ.

«Рождественскіе праздники наступаютъ тамъ».

Съ минуту онъ еще подержалъ перо, но потомъ отложилъ его, облокотился о ручку кресла и закрылъ ладонью глаза.

Передъ нимъ понеслись знакомыя картины, и онъ точно въ первый разъ почувствовалъ, до чего онъ ему милы. Сердце забилось часто-часто, грудь наполнилась какимъ-то нестарческимъ трепетомъ.

Давно онъ не видалъ широкаго простора русскихъ полей, покрытыхъ снѣгомъ. Съ такой ясностью рисуетъ ихъ теперь его фантазія, точно онъ ѣдетъ по нимъ въ своихъ широкихъ саняхъ съ высокимъ заспаникомъ. Бѣлое пространство стелется кругомъ въ безконечной ширинѣ и гдѣ-то далеко-далеко сливается съ хмурымъ горизонтомъ. Вдали показалась деревушка. Ее едва можно замѣтить, — такъ она занесена снѣгомъ. А въ сторонѣ темнѣетъ длинное сизое пятно большого лѣса.

Ближе къ деревнѣ — жильемъ запахло, дымомъ, тепломъ. Надъ высокими визами кружатся галки. А въ деревнѣ... мальчуганы съ лицами, раскраснѣвшими отъ мороза, горки, салазки, баба въ тулупѣ и мужинныхъ сапогахъ, лай собакъ...

24-е декабря!.. Рождественскіе праздники...

Въ большомъ помѣщичьемъ домѣ чрезвычайное оживленіе. Пекутъ, убираютъ, перебѣгаютъ изъ комнатъ въ людскую и кухню. Хозяйка озабочена, вся прислуга на ногахъ... Разукрашиваютъ елку, изъ ящиковъ достаютъ конфеты, золоченые орѣхи, игрушки, восковыя свѣчи, синія, красныя... На сюрпризахъ надписи: «Колѣ», «Манѣ», «Сережѣ»... У дѣтей глазки блестятъ. Приѣхавшій на рождественскія капикулы кадетъ дѣлаетъ видъ, что его, какъ большого, все это нѣсколько не занимаетъ, а сердечко бьется самой наивной, дѣтской радостью..

Кругомъ масляные носы, полныя губы, добродушные сѣрые глаза, въ волосахъ проборы, — русскія лица, русская рѣчь, округленная, сильная...

Святки... Вздрогнетъ безпредѣльная ширь, называемая Россіей, пронесется удалой праздничной кликъ съ одного конца на другой, прозвѣнитъ лихая пѣсня въ безшабашномъ русскомъ веселіи.

Быстро мелькаютъ въ воображеніи картины, одна другой милѣе, и все глубже охватываетъ Ивана Сергѣевича знакомое чувство безотчетной тоски. Это не болѣзнь, именуемая тоской по родицѣ. Это славянская меланхолія. То же ощущеніе испытывалъ онъ, бывало, въ русской деревнѣ во время покойнаго заката солнца. Необъяснимая волна, томительная и пріятная, наполнить грудь, подступить къ горлу. Настоящее съ его пустой, незанимательной реальностью тупо отодвинется, промелькнетъ и недавнее прошлое, какъ что-то скучное, волнующее совѣсть — и вся чувственность неудержимо отдается чему-то далеко-далеко прошедшему, безъ-образному, туманному.

Куда-же, въ какую прошлую даль рвется душа? Что за звуки ноютъ въ груди и разрываютъ ее на части, и жаль съ ними разстаться?.. Хочется что-то оплакивать, съ рыданьями броситься въ чьи-то объятія...

Иванъ Сергѣевичъ поднялъ голову и обвелъ кабинетъ мутнымъ отъ волненія взглядомъ. Онъ позвонилъ.

— Пожалуйста, — обратился онъ къ лакею, — освѣтите мнѣ вонъ ту картину и придвиньте меня къ ней.

Лакей зажегъ лампу, прибитую къ стѣнѣ на подвижномъ стержнѣ, съ рефлекторомъ, около небольшой картины въ золоченой рамѣ. Онъ подвинулъ кресло Ивана Сергѣевича и, по его указаніямъ, направилъ свѣтъ лампы.

— Больше ничего. Ступайте.

Картина была не болѣе 10 вершковъ въ высоту и 8 въ ширину. И сюжетъ ея былъ простъ до крайности: на полотнѣ была только одна молодая березка. Но деревцо живьемъ выступало изъ рамы. Нѣжная, бѣлесоватая кора съ темными полосками, легонькая листва, написанная мазками, облачный фонъ... Отъ этого незатѣйливаго сюжета вѣяло прелестной простотой.

Долго смотрѣлъ на березу Иванъ Сергѣевичъ и снова облокотился о ручку кресла, снова закрылъ глаза ладонью...

Внизу зашумѣли стульями. Кончили обѣдать. Черезъ нѣсколько минутъ на лѣстницѣ послышались женскіе шаги.

Вошла хозяйка дома, жена друга Ивана Сергѣевича, высокая, типичная француженка, уже пожилая. Она не сразу нашла Ивана Сергѣевича и высоко подняла брови, увидѣвъ его передъ картиной. Она съ улыбкой подошла къ нему и ласково обняла.

— Милый мой, о чемъ вы задумались?

— Самъ не знаю. А этотъ молодой писатель ушелъ?

— Нѣтъ еще.

— Будьте добры, пошлите его ко мнѣ.

— А лѣкарства вамъ не пора?

— Нѣтъ, мнѣ не хочется. Потомъ я приму.

Она поцѣловала его въ лобъ и тихо вышла. Иванъ Сергѣевичъ снова приказалъ придвинуть себя къ письменному столу.

Вошелъ молодой авторъ повѣсти.

— Вы меня звали? — спросилъ онъ по обыкновенію по-французски.

— Да, другъ мой. На одну минуту. Только давайте говорить по-русски. Кстати, обратили вы вниманіе, что сегодня у насъ въ Россіи 24-е декабря? Святки начинаются.

— Да? — равнодушно проговорилъ гость. — Нѣтъ, я не замѣтилъ.

Онъ не могъ понять, почему маститый старецъ сообщаетъ ему объ этомъ какимъ-то особеннымъ тономъ.

— Такъ вотъ что я хотѣлъ вамъ сказать, — началъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Я додумался, чего недостаетъ въ вашей повѣсти и что въ ней лишняго. Недостаетъ любви къ родинѣ, а лишнее — результатъ этого недостатка — тенденціозность. Вы меня понимаете?

— Да, но.. любовь къ родинѣ — это...

Онъ запнулся. По его лицу неуловимо пробѣжала кислая гримаса. Ему хотѣлось сказать: «вотъ ужъ не ожидалъ такого упрека отъ такого западника, какъ вы»...

— Безъ этой любви вы никогда не будете народнымъ писателемъ. Запомните это. Вамъ почему-то захотѣлось обратить вниманіе французскаго общества. И этого не случится — повѣрьте мнѣ. Русская литература заинтересовала Францію только съ тѣхъ поръ, какъ она стала самостоятельной, народной. То же произошло и съ русскимъ художествомъ. Пока въ васъ не проявится истинная любовь къ родинѣ, — вы всегда будете тенденціознымъ писателемъ. А тенденція — признакъ всего незрѣлаго. Такія произведенія должны быть удалены, какъ несвободное воспроизведеніе народной жизни. Они обременены заднею мыслію.

— Позвольте, Иванъ Сергѣевичъ... А если я стремлюсь проводить въ своихъ романахъ общественные идеалы?... Долженъ же я думать о будущемъ моей родины?

— Проводить идеалы... Если ихъ присутствіе въ вашей душѣ несомнѣнно, если они не сочинены вами, вы ихъ проведете помимо вашей воли. Если же они несвойственны вамъ, отъ вашего произведенія будетъ пахнуть мертвечиной. *Художникъ*, когда творитъ, не думаетъ о будущемъ. Мало того. Къ какой-бы партіи не записали его публицисты, онъ всегда немножко консерваторъ.

Спустя полчаса гость ушелъ, а Иванъ Сергѣевичъ писалъ письмо одному изъ друзей въ Россію.

«Хотѣлъ-бы я имѣть свѣдѣнія, — писалъ онъ, между прочимъ, — на счетъ крестьянъ, бабъ, училища, богадѣльни...»

Вошла хозяйка дома.

— Хотите, я вамъ спою что-нибудь? Вы придвинетесь къ слуховой трубкѣ и послушаете

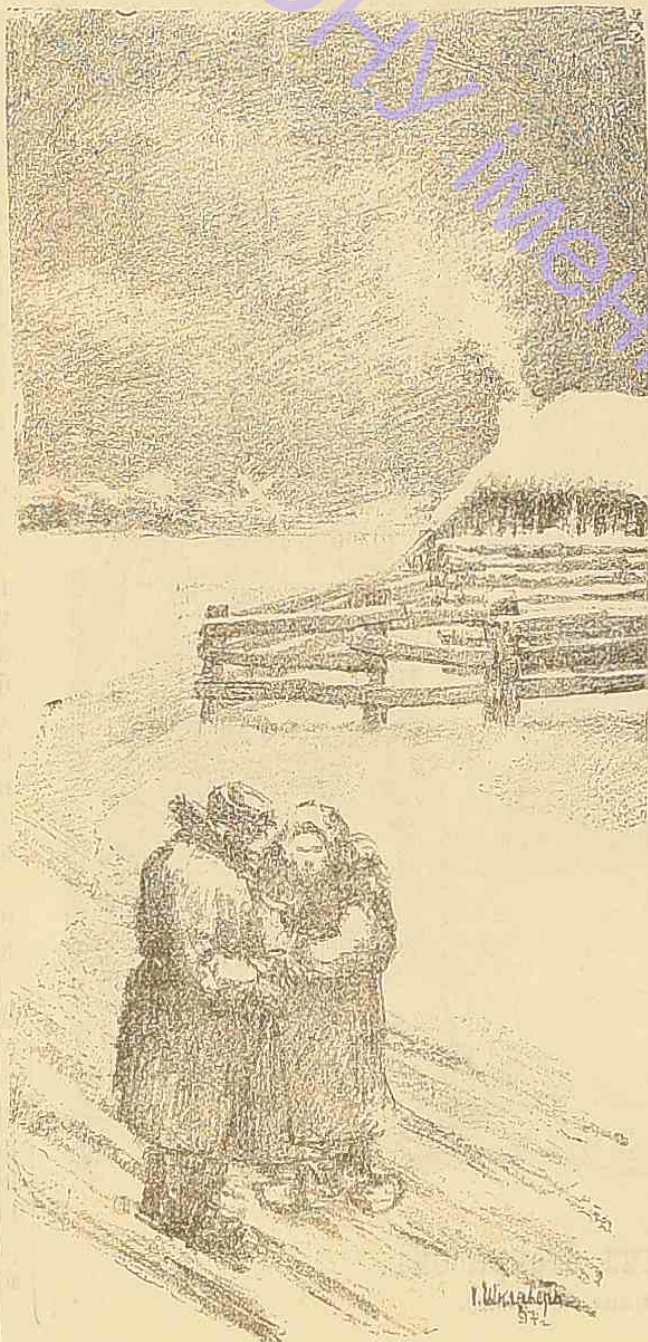
— Нѣтъ, спасибо. Мнѣ хорошо. Я горячо признателенъ вамъ за комфортъ и вниманіе, какимъ вы меня окружаете. Я попрошу только достать мнѣ изъ библіотеки «Руслана и Людмилу» Пушкина. Пусть моя дочь пощелкаетъ мнѣ хочется почитать.

Хозяйка вышла, а Иванъ Сергѣевичъ продолжалъ писать.

«Поклонитесь отъ меня дому, моему молодому дубу. Родинѣ моей поклонитесь, которую я уже, вѣроятно, никогда не увижу...»

Мелкій дождь снова забарабанилъ въ окно. Въ каминѣ треснулъ уголекъ.

Вл. Ив. Немировичъ-Данченко.

Н. А. Некрасовъ.

Примиритесь же съ музой моею,
Я не знаю другого напѣва.
Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, 27 декабря 1877 г., въ 8 час. 40 мин. веч., не стало Николая Алексѣевича Некрасова, этого властителя думъ и выразителя чувствъ цѣлой эпохи, одной изъ лучшихъ къ тому же эпохъ въ жизни русскаго общества. Двадцать лѣтъ прошло съ того времени, какъ умеръ Некрасовъ, а съ нимъ умолкла и «муза мести и печали».

Думалъ ли поэтъ, умирая, что мы, его ближайшее потомство, вспоминая его черезъ какихъ нибудь 20 лѣтъ, должны будемъ не только «украшать его имя вѣнкомъ», но и реабилитировать его память, отстаивать его заслуги отъ разныхъ поклонниковъ чистой и новой красоты, готовыхъ отрицать всякое значеніе для современнаго поколѣнія того, чей «выстраданный стихъ, пронзительно-унылый» такъ часто ударялъ по сердцамъ «съ невѣдомою силой»?

Біографія покойнаго поэта слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы нужно было на ней долго останавливаться. Напомнимъ только, что родился онъ 22 ноября въ 1821 г. въ Винницкомъ уѣздѣ (Под. губ.), въ какомъ-то еврейскомъ мѣстечкѣ. Связь поэта съ нашимъ краемъ выражается и въ происхожденіи его матери — уроженки Херсонской губ. Дочь богатого польскаго магната, Александра Андреевна вышла замужъ за отца Некрасова, небогатаго армейскаго офицера, противъ воли родителей и много выстрадала въ своей семейной жизни. Какъ извѣстно, она имѣла громадное вліяніе на молодого поэта. Обаяніемъ воспоминаній о матери и ея страданіяхъ объясняется необыкновенное участіе, проявлявшееся Н-вымъ къ женской долѣ. Страдая за того, кто бредетъ по житейской дорогѣ

Въ безпросвѣтной глубокой ночи
Безъ понятія о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи,

Н-въ еще болѣе страдалъ за долю русской *крестьянки*, которой, въ довершеніе всего, приходится быть не только женою, но и рабою раба. Богатырскій образъ Дарьи какъ величавый типъ «русской славянки», и «русскія женщины» въ поэмѣ того же названія останутся на всегда апофеозомъ прекрасной половины рода человеческого, лучшими образами, созданными въ этой сферѣ русской литературы.

Всѣмъ извѣстна исторія о томъ, какъ молодой Николай Алексѣевичъ попалъ въ Петербургъ безъ гроша денегъ, какія онъ терпѣлъ лишеныя, будучи въ университетѣ и подумывая о томъ, какъ бы пообѣдать. Въ теченіе 3-хъ лѣтъ *чувствовалъ себя каждый день голоднымъ* — это достаточное оправданіе для той практической жилки, которая явилась въ его характерѣ и которая столь часто ставилась ему въ вину.

Если не считать его чисто-ремесленныхъ литературныхъ трудовъ, впервые Н. выступилъ на поприщѣ литературы своими «Мечтами и звуками» — сборникомъ стихотвореній, столь безпощадно осмѣяннымъ Бѣлинскимъ и впоследствии скупавшимся Некрасовымъ съ цѣлью уничтоженія. Знакомство съ Бѣлинскимъ имѣло громадное вліяніе на дальнѣйшую судьбу молодого поэта. Не мѣшаетъ вспомнить время, въ которое выступилъ Некрасовъ со своимъ первымъ опытомъ, послѣжившимъ начало его извѣстности.

Въ то время пусто и мертво
Въ литературѣ нашей было —
Скончался Пушкинъ — безъ него
Любовь къ ней публики остыла.

Ничья могучая рука
Ее не направляла къ цѣли.

Такъ рисуется этотъ періодъ самъ Николай Алекс. въ одномъ изъ своихъ малоизвѣстныхъ стихотвореній. И въ эту-то эпоху безвременья въ лицѣ Некрасова Россія обрѣла поэта-гражданина, не всегда, правда, остававшегося поэтомъ, но въ своихъ стихотвореніяхъ всегда бывшаго *гражданиномъ*, любящимъ свою родину, вѣрующимъ въ русскій народъ и любящимъ его тою сознательной страстью и святой любовью, которая давала ему полное право впоследствии сказать:

За каплю крови, общую съ народомъ,
Мои грѣхи, о родина, прости!

Эту любовь къ народу, эти думы о его благѣ Н. А. Некрасовъ передавалъ своимъ читателямъ. Многое доброе въ движеніи русскаго общества 60-хъ и 70-хъ гг. обязано поэзіи Некрасова. Нельзя отрицать, что не все, написанное Н-вымъ, сохранило и до сихъ поръ свое значеніе, но было бы странно думать, что въ настоящее время Некрасовъ имѣетъ только историческое значеніе. Такія вещи, какъ «Морозъ-красный носъ», «Коробейники», «Кому на Руси жить хорошо» и масса лирическихъ стихотвореній, по справедливому замѣчанію Скобичевскаго, останутся жить на всегда.

ВЪ СВАТУЮ НОЧЬ.

Часы пробили пять. Роскошный кабинетъ, уставленный фамиліной мебелью и устланный персидскими коврами, озарялся чуть мерцающимъ огонькомъ камина, игравшимъ на лезвіяхъ шпагъ и клижаловъ, развѣшанныхъ на противоположной стѣнѣ.

На широкой отоманкѣ, откинувъ голову на подушку, лежалъ красивый мужчина среднихъ лѣтъ, устремивъ неподвижный, полный безисходнаго горя, взоръ въ зеркальное окно, за которымъ кружились и падали хлопья снѣга, освѣщаемые трепетнымъ сіяніемъ газоваго фонаря.

— Прикажете лампу зажечь, Владиміръ Николаевичъ? Раздался старческой женскій голосъ, въ дверяхъ кабинета.

— Все равно... пожалуй!.. послышался отвѣтъ, въ которомъ дѣйствительно звучало полное равнодушіе ко всему окружающему.

Ровно годъ тому назадъ, въ ночь съ 24 на 25 декабря, Владиміръ Николаевичъ лишился горячо любимой жены, съ которой прожилъ душа въ душу всего четыре года.

Ни поѣздка за границу, ни усиленные работы по своей специальности инженера, ни посѣщенія близкихъ знакомыхъ и друзей, даже присутствіе единственнаго трехлѣтняго сына его, Саша—ничто не въ состояніи было оторвать Владиміра Николаевича отъ мыслей о невозвратной потерѣ бесконечно любимой жены. Машинально ѣздивъ онъ каждый день на службу въ инженерное управленіе, а потомъ отправлялся на кладбище, гдѣ проводилъ нѣсколько часовъ и, возвративъ домой, также машинально садился за столъ, на скоро обѣдалъ и спѣшилъ опять предаться своимъ мыслямъ о дорогой усопшей, которую ему все такъ живо напоминало въ домѣ.

Вотъ — жардиньерка съ камеліями и азалиями, которыя она ежедневно сама поливала, вотъ — куколки изъ стариннаго фарфора, съ которыхъ она никому не позволяла пылъ стирать, а вотъ и ея любимый книжный шкафъ, гдѣ она размѣстила своихъ «привилегированныхъ» поэтовъ и романистовъ. Какъ дразнилъ онъ ее бывало, когда, вставъ на табуретку, она разставляла книги, заботясь о внѣшнемъ видѣ витрины.

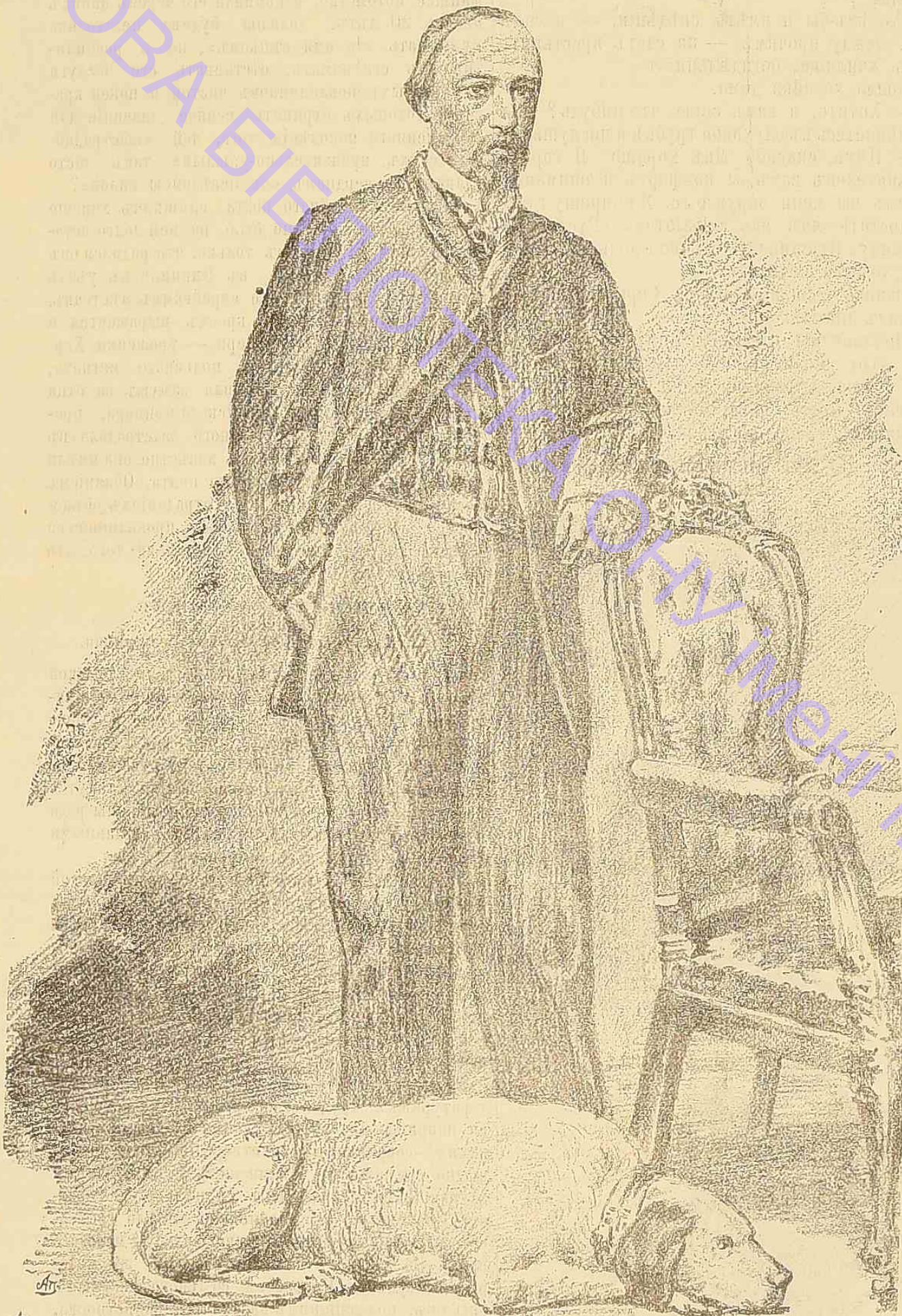
— Развѣ можно ставить Некрасова рядомъ съ Надсономъ? спросить онъ ее.

— Иначе не приходится, милый! слышится ему ея отвѣтъ. Я сама знаю, что это пѣвцы изъ разныхъ становъ, да форматъ ихъ книжекъ — одинаковый и переплетъ подходит... такъ красивѣе! И возьметъ она, бывало, Надсона и, обвивъ рукой шею Владиміра Николаевича, прочтетъ свое любимое стихотвореніе «Цвѣты», а послѣ заключительныхъ словъ его —

«сѣнь такой безстыдной красотой!»
крѣпко, крѣпко поцѣлуетъ мужа...

— Прошло!... все прошло!... говаривалъ онъ въ эти минуты нахлынувшихъ потокомъ воспоминаній.

— Пылью покрыты ея любимыя сочиненія, мракъ царитъ въ бібліотекѣ... А вотъ и ея спальня... «О, зачѣмъ, вы, воспоминанія, терзаете такъ душу? Зачѣмъ вы не исчезли вмѣстѣ съ той, которая была мнѣ дороже жизни?!» восклицалъ онъ, когда переступалъ порогъ этой комнаты. На этихъ кружевныхъ подушкахъ покоилась ея Грѣзовская головка, разметывались шелковистые волосы... И вспоминалъ онъ, какъ утренній лучъ солнца,

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.

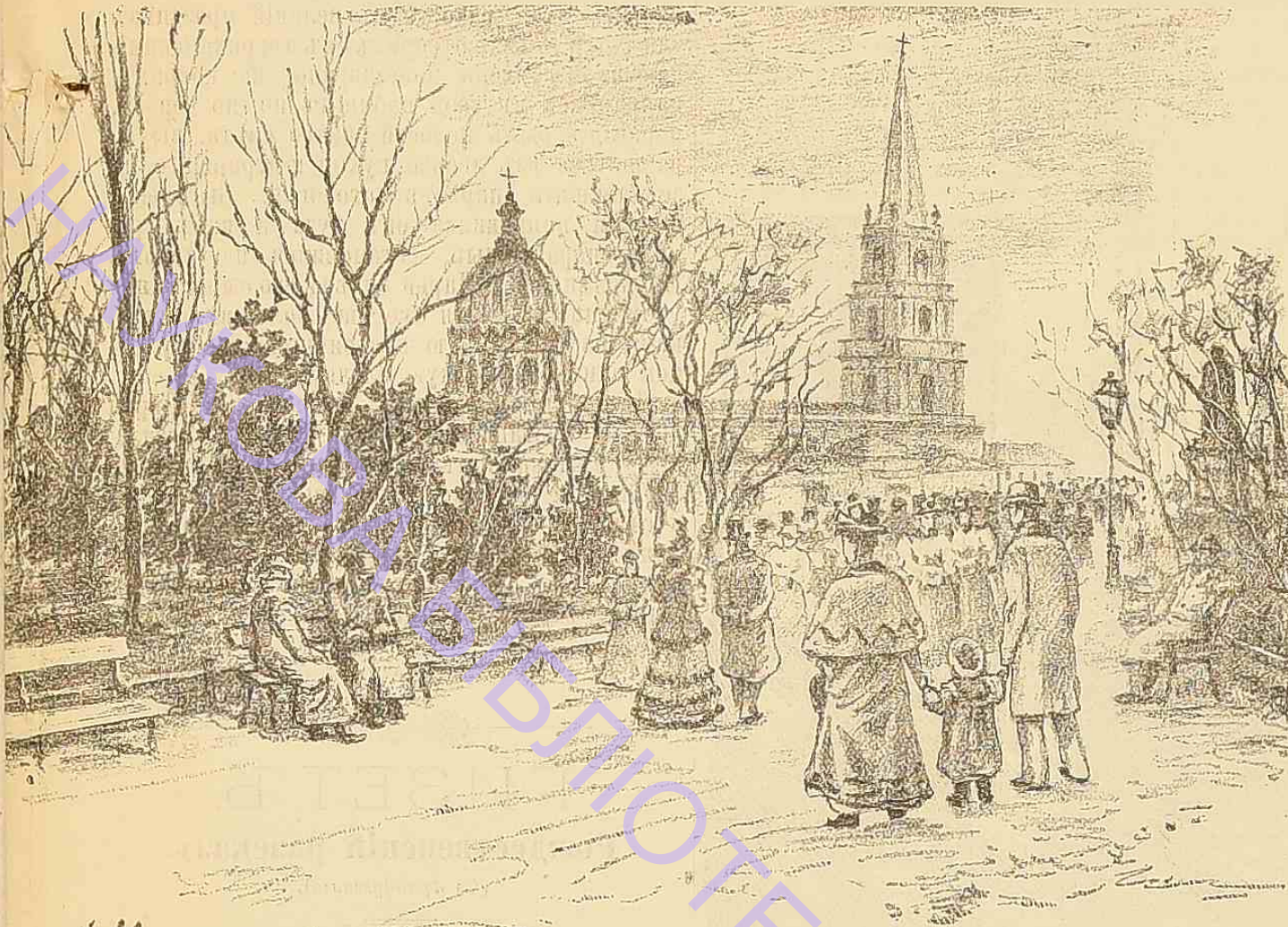
(По поводу 20 лѣтія со дня кончины).

риал,
что
стѣс

црѣбл
вѣ
и

Г
Т
Г
С
Т
Г
В

К

В. Навро

На Соборной площади.

(Набросокъ съ натуры).

сквозь закрытое окно озарялъ ей почти дѣтское тѣлице и чарующее личико и слышались ему слова, произносимыя съ улыбкой:

— Постой, Володя, я должна тебѣ сегодня разсказать мой сонъ...»

— Прошло!... все прошло!... восклицалъ онъ вновь въ тѣ минуты. «Доски и тяжелая земля сковываютъ дорогую головку, не освѣняемую больше снами, не озаряемую утреннимъ лучемъ!!! И, какъ безумный, бросался онъ на ея пустую постель, кусая кружево подушекъ и обливаясь дикими слезами...»

Старая Дарья, добродушная дулилка, отживающей если ужъ не отжившей типъ старухъ, русскихъ нянь, загля въ кабинетъ большую лампу подъ причудливымъ, въ восточномъ стилѣ, абажуромъ

— Чай готовъ-съ, произнесла она тихо, остановясь передъ отоманкой, на которой по прежнему лежалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Я не хочу, няня...

— Не хочу да не хочу!.. Только и слышишь отъ васъ!.. Намедни не обѣдали, нынче чаю не хотите!.. Нешто это порядокъ? И, видимо, взволнованная, Дарья подошла къ столу, на которомъ горѣла лампа какъ будто бы съ цѣлью уменьшить или увеличить огонь, на самомъ же дѣлѣ — чтобъ скрыть волновавшія ея чувства.

— Хоть бы дитѣ-то пожалѣли, продолжала она слегка дрогнувшимъ голосомъ, сами знаете, какой нынѣ вечеръ-то...

— Перестань, няня!.. не говори!.. не раздражай меня!.. уходи!.. почти вскрикнулъ Владиміръ Николаевичъ.

— Да и уйду!.. совсѣмъ уйду!.. отвѣтила няня, тоже повисъ голосъ: — Довольно съ меня!.. Нешто это не грѣхъ такъ убиваться?!.. Нешто можно дитѣ забывать?!.. На кухню, что-ль, мнѣ его забрать?! Покойнику-то не вернешь

а дитѣ—загубишь!... вотъ—что!... А я уйду, ежели хочешь!... мнѣ—что? Дитѣ мнѣ только жаль... И едва сдерживая подступавшія слезы, няня вышла изъ кабинета, хлопнувъ дверью Владиміръ Николаевичъ всталъ съ отоманки и подошелъ къ окну... Небо прояснилось и кое-гдѣ ужъ блистали звѣзды. Часы показывали семь. Онъ пришелъ въ столовую, гдѣ шипѣлъ самоваръ и маленькій Саша ему улыбнулся, барабаня ложечкой по чайному блюдечку.

— Папа!... а завтра—Рождество!... сказалъ онъ и, испугавшись не то собственныхъ словъ, не то свирѣпато взгляда отца, прилипъ къ блюдцу, въ которое няня налила ему чай. Молча сидѣли отецъ и сынъ другъ противъ друга. Владиміръ Николаевичъ воскрешалъ въ своемъ умѣ прошлогоднюю картину смерти жены. Въ этотъ часъ ему объявили доктора, что спасенія—нѣтъ, что съ часа на часъ надо ожидать наступленія агоніи... Онъ вспомнилъ эту послѣднюю борьбу молодой жизни съ немолимой смертью, ея послѣднія слова «люби сына...», ея послѣдній взглядъ и, быстро вставъ изъ-за стола, прошелъ въ переднюю, накиннулъ бобровую шинель и вышелъ на улицу.

— На кладбище! крикнулъ онъ, садясь въ сани.

Быстро мчался онъ по только-что выпавшему, блестящему снѣгу. Глубокое, темное небо усыяно было мириадами звѣздъ.

Онъ снялъ мѣховую шапку съ разгоряченной головы и устремлялъ свои взоры въ глубь этой сіяющей бездны...

— Можетъ быть ея душа тамъ, гдѣ ни-

Продажа елокъ.

(Набросокъ съ натуры).

Приготовление елки.

будь, въ средѣ этихъ свѣтилъ, подумалъ онъ, проникаясь впервые какимъ то страннымъ для него, глубоко благоговѣйнымъ чувствомъ....

Чтобъ попасть на кладбище надо было миновать маленькую рощицу, гдѣ онъ часто съ ней гулялъ и гдѣ она особенно любила одну, высокую, старую ель, стоящую почти особнякомъ.

— Изъ этой рощи мы выберемъ ёлку для Сашу, милый, говорила она ему, въ прошломъ году, въ концѣ ноября, когда они въ послѣдній разъ вечеромъ поѣхали кататься и она вернулась вся простуженная и слегла, чтобъ больше не вставать.

— Мимо, мимо!... произнесъ вслухъ Владиміръ Николаевичъ, закутывая лицо бобрвымъ воротникомъ, оледенѣвшимъ отъ инея и слёзъ.

Открылась поляна за рощей и засверкала грестъ кладбищенской церкви.

Старикъ-сторожъ медленно открылъ ворота и Владиміръ Николаевичъ направился къ могилѣ....

Какъ видѣнье, возвышался бѣлый мраморный памятникъ, окруженный сотнями другихъ, надъ сѣвнымъ саваномъ, распростертымъ по землѣ и искрящимся подъ сіяніемъ звѣздъ.

Ни одного темнаго пятна на всемъ видимомъ пространствѣ! Каждая свѣжишка какъ будто говорила:

— Мы кроемъ все!... слѣды всѣхъ радостей и бѣдствій!... Мы—подвластны законамъ вѣчныхъ измѣненій какъ и ты, человѣче, какъ все, насъ окружающее! Мы — тѣ остывшія слёзы, которыя ты такъ горячо проливалъ,

мы—одръ для твоихъ страданій и покровъ для вашихъ мертвецовъ!

И чудилось ему что вѣсть вокругъ него какая то незримая сила, что творится что-то новое въ его душѣ, чудесное, непостижимое...

И поднялъ онъ голову отъ холоднаго мрамора и взглянулъ на небеса.

Мириады звѣздъ казалось, ему, улыбнулись — улыбкой вѣчности.

— Катя!... Гдѣ ты? воскликнулъ онъ, пронизывая взоромъ глубину искрящихся небесъ, какъ будто черная въ нихъ лучи того свѣта, гдѣ она, по его мнѣнію, должна была пребывать.

Въ это самое мгновеніе прорѣзала эфиръ блестящая звѣзда...

— Катя!! воскликнулъ В. Н., зарывавъ отъ счастья и, не помня какъ, дошелъ до саней.

— Люби Сашу! слышались ему по дорогѣ послѣднія слова покойной, звучавшія на этотъ разъ какъ строгій голосъ проповѣдника съ амвона.

— Она не вся у тебя отнята, безумецъ! Она оставила тебѣ младенца! Въ немъ духъ и кровь ея!...

Люби его!

Пробило одиннадцать на соборной колокольнѣ, когда сани В. Н. остановились у его дома, темномъ какъ могила.

А въ окнахъ сосѣдняго — ярко залитыхъ свѣтомъ, видѣлась ёлка и мельгали силуэты дѣтскихъ головокъ и слышалась веселая музыка.... И съ стѣсненнымъ сердцемъ вспомнилъ В. Н. впервые, что не устраивалъ для своего маленькаго Сашу ёлки, что онъ

лишенъ этой радости въ великій праздникъ для дѣтей.... Тихо отворилъ онъ американскимъ ключикомъ дверь и беззвучно, по коврамъ, направился въ свой кабинетъ, но, по дорогѣ, пораженъ былъ полосой яркаго свѣта, вырвавшегося изъ дверей кухни и игравшаго на зеркальномъ паркете столовой. Быстрыми шагами направился онъ туда и, какъ громомъ пораженный, остановился на порогѣ. На колѣняхъ у Дарьи сидѣлъ его сынъ, глядя утомленными, хотя все еще большими глазами на зажженную и стоявшую на кухонной плитѣ маленькую ёлочку.

При видѣ Владиміра Николаевича Дарья быстро поставила на полъ Сашу и сказала:

— Ужь вы, батюшка, извините-сь! Мы ждали, ждали, да и не дождались васъ!... Ужь я сама тутъ распорядилась!... Съ праздникомъ васъ, баринъ!... И Дарья подошла къ рукѣ В. Н., но онъ, судорожно обнявъ шею Дарьи, горячо зарыдалъ на ея плечѣ....

С. Пласинь.

ГИЗЕТЪ.

Рождественскій разсказъ.

(Съ французскаго).

Помните вы, сказалъ мнѣ мой другъ, садясь къ столу, за которымъ всѣ мы соединились каждый годъ въ ночь подъ Рождество; помните вы того эlegantнаго и высокаго молодого человѣка, котораго я вамъ представилъ въ послѣдній разъ — въ ночь подъ Рождество? Да, вы вспомните? Ну, такъ простите меня за

то, что я вамъ представилъ его. Ни за что въ мнѣ я не привелъ бы его сюда сегодня вечеромъ. — Что же случилось? сказалъ я смѣясь (я уже давно привыкъ къ парадоксамъ моего друга). Мой другъ молчалъ съ минутой. Я рѣшилъ слушать его, не прерывая, такъ какъ я видѣлъ, что это будетъ лучше всего.

— Я долженъ вамъ сказать, что, благодаря ему, я съ дѣтства вель дружбу съ одной изъ его далекихъ кузинъ, и эта дружба была мнѣ дорога. Она жила, въ большомъ домѣ въ нѣсколькихъ льѣ отъ насъ вмѣстѣ со своею матерью, которая овдовѣла. Мы прозвали ее Гизетъ, не смотря на то, что ея мать находила это смѣшнымъ и предпочитала ея настоящее имя «Надежда». Правда, было много вещей, которыя казались смѣшными этой прелестной женщи. Она была воплощеніемъ провинціалки, которая разъ за всю жизнь побывала въ Парижѣ и потомъ уже живетъ этими воспоминаніями. Но если мать казалась мнѣ незначущей, то Гизетъ въ моихъ дѣтскихъ глазахъ соединяла всѣ достоинства женщины. На самомъ дѣлѣ это была довольно обыкновенная, но безконечно добрая дѣвушка. Тогда я думалъ иначе, и для меня было высокимъ счастьемъ пойти къ нимъ и провести съ нею день. Но счастье это часто омрачалось, и я страдалъ, чувствуя, что она отдаетъ предпочтеніе своему кузену. Въ нашихъ играхъ она всегда была на его сторонѣ; въ нашихъ маленькихъ размовкахъ она принимала его сторону. Это положеніе мнѣ казалось невыносимымъ, но потомъ я примирился съ ролью статиста, и къ двадцати годамъ Гизетъ осталась для меня тѣмъ же, чѣмъ была всегда: милой и доброй подругой.

Мой другъ все время принималъ всѣ ея чувства равнодушно, но и сочувственно. Его мать любила его безумно, и онъ привыкъ, чтобы люди склонились предъ нимъ, такъ что предупредительность своей кузины онъ принималъ, какъ нѣчто должное. И онъ почти что не обращалъ на нее вниманія, и когда посвящалъ меня въ свои сердечныя тайны,

то говорилъ мнѣ о женщинахъ, которыя ея не стоили, но которыя были болѣе блестящи и пикантны, чѣмъ она.

Когда Гизель превратилась въ барышню, она конечно, внесла нѣкоторую сдержанность въ наши отношенія и перѣдко какую-то тайную грусть, которая поражала меня. Онъ оставался такимъ же безпечнымъ, какимъ былъ и раньше, и весь ушелъ въ шумную жизнь. Одно лѣто онъ придумалъ поселить въ той же деревнѣ, гдѣ жила Гизель, въ лучшей гостиницѣ, одну изъ своихъ дамъ, которая поражала всѣхъ своею роскошью и шумною жизнью. Я прѣхалъ уже мѣсяць спустя и былъ очень огорченъ при мысли о томъ, какъ должна страдать теперь Гизель. Я неумѣло старался доказать этому безумцу, какъ неприлично такое близкое сосѣдство для его матери, но онъ остановилъ меня съ первыхъ же словъ, и я не сталъ настаивать. Да и къ чему-бы это послужило, если бы я сказалъ ему, что Гизель въ первый же день нашей встрѣчи съ острымъ любопытствомъ расспрашивала объ этой дамѣ? Она съ странной торжачностью спрашивала меня обо всемъ, что касается этой особы, о томъ, какъ она себя держитъ, какъ говоритъ; тысячу мелкихъ вопросовъ задавала она, нѣкоторые очень пикантные, но нѣкоторые поражающіе своею мѣткостью. Я испытывалъ муки ада во время этихъ допросовъ и старался сказать немного правды, не много лжи. Эта маленькая дѣвочка стала вполне женщиной, которую очевидная любовь къ кузену заставляла искать разгадки жизни, и это произвело на меня тяжелое впечатлѣніе, какъ будто ей грозила отъ этого большая опасность.

* * *

Это тяжелое впечатлѣніе мною овладѣло еще сильнѣе, эту опасность я увидѣлъ еще лучше, когда я, вернувшись въ Парижъ, узналъ, что Гизель уѣхала куда-то, неизвѣстно съ какою цѣлью. Ея мать умерла спустя нѣсколько мѣсяцевъ и оставила ей приличное наслѣдство. Прошло еще нѣкоторое время, и къ стыду своему я долженъ сознаться, что вспоминалъ о ней все меньше и меньше. Когда въ одинъ вечеръ, прошлой зимой, мой другъ мнѣ вдругъ сказалъ:

— Я былъ очень удивленъ на дняхъ, когда встрѣтилъ... Но я хочу, чтобы это и для тебя было сюрпризомъ, какъ и для меня, когда эта особа, о которой идетъ рѣчь, придетъ къ тебѣ. Эта къ тому же молодая и восхитительная женщина, которую ты знаешь, прибавилъ онъ равнодушнымъ голосомъ.

Онъ ничего мнѣ больше не сказалъ, но этого и не нужно было. Я уже отгадалъ, о комъ онъ говоритъ. Но, когда спустя нѣсколько дней въ мою квартиру вошла элегантная дама, мнѣ казалось, что я вижу во ея эту восхитительную женщину, такъ мало походившую на прежнюю Гизель.

— Какъ я довольна, сказала она, безъ всякаго смущенія, какимъ-то легкимъ тономъ, котораго я не зналъ раньше, — какъ я довольна, что вижу васъ опять. Я не знаю никого-кто могъ бы мнѣ сказать, какъ васъ разыскать и, если-бы не мой кузенъ, котораго я встрѣтила на дняхъ, я нешла бы васъ.

Я не могъ удержаться, чтобы не спросить ее, почему произошла съ ней эта метаморфоза, но лицо ея приняло грустное выраженіе, и она прервала меня:

— Хотите, чтобы мы оставались друзьями, сказала она, да? Ну, такъ никогда не спрашивайте меня объ этомъ. И, не ожидая моего отвѣта, она продолжала:

— Мой кузенъ все еще въ Парижѣ?

* * *

Я принялъ условіе. Она каждый день послѣ обѣда приходила ко мнѣ, и это были восхитительные часы. Но о ея жизни я все-таки ничего не зналъ. Мнѣ казалось, что я кое-что угадываю, въ особенности, когда я вспоминалъ допросы въ деревнѣ и когда я увидѣлъ всѣ ея новыя манеры и приемы, которыя свойственны женщинамъ извѣстной категоріи, но никакъ не ей. Я могъ-бы посмѣяться надъ этимъ, если-бы я не зналъ, сколько искренняго страданія скрывается подъ этимъ. Въ это время я не сомнѣвался въ томъ, что она не сдѣлается одной изъ этихъ женщинъ, такъ какъ я зналъ, что она чистая и прекрасная дѣвушка. Такъ шель день за днемъ, и мой другъ не разъ хотѣлъ, когда я пѣлъ ему дифирамбы въ честь Гизель. Онъ теперь остепенился немного, мой другъ, и, казалось, усталъ отъ своей шумной жизни. Я видѣлъ его теперь чаще и, долженъ вамъ сказать, старался его какъ можно чаще звать съ собою. Мы обѣдали вмѣстѣ, втроемъ, въ одномъ изъ ре-

сторонъ на бульварѣ, вмѣстѣ сидѣли въ театрѣ, и въ такіе вечера перемѣна, которая произошла съ Гизель, еще больше поражала меня. Я мало-по-малу опять принималъ прежнюю роль статиста, которую я игралъ въ дѣтствѣ. Можетъ быть, я былъ виноватъ, паливая эту опасную игру? Я не думаю. Я видѣлъ все, и мнѣ казалось, что если мой другъ будетъ, наконецъ, тронуть преданностью Гизель, она будетъ спасена отъ жизни, которая ждала ее въ недалекомъ будущемъ.

* * *

Но вышло не такъ. Прошло лѣто и разлучило насъ. Когда я вернулся, я нашелъ ее еще болѣе блѣдною, болѣе страдающею. Она сократила свои визиты ко мнѣ. Я шутилъ бравадой ее за это, но иногда мои слова замирали у меня на губахъ при видѣ тоскливаго выраженія ея лица. Эту печаль я уже видѣлъ въ первый же разъ, когда она пришла ко мнѣ, но съ тѣхъ поръ она стала болѣе острой, болѣе опредѣленной. Вскорѣ послѣ этого маленькаго записки извѣстила меня, что Гизель уѣхала. Потомъ я получалъ письма, которыя становились все короче, все рѣже и въ которыхъ она никогда не говорила, что вернется, и послѣ долгаго времени пришло еще одно письмо, извѣщающее меня о смерти Гизель. Она желала, чтобы мнѣ сообщили о ея смерти, и горячо благодарила меня за мою дружбу. Она просила не прѣхать на похороны, такъ какъ была увѣрена, что безъ этой просьбы я захотѣлъ бы отдать ей послѣдній долгъ.

Я не былъ удивленъ: я имѣлъ слишкомъ много предчувствій. Можетъ быть, даже лучше, что случилось такъ. Она сдѣлала ложный шагъ, и жизнь, которая ждала ее впереди, не стоила труда. Она умерла, не сказавъ мнѣ своей тайны. Почему она не скрыла ее отъ меня совершенно? Я имѣлъ-бы, по крайней мѣрѣ, иллюзію по отношенію къ моему другу, а такъ я потерялъ ее, какъ и много другихъ.

Но онъ недавно пришелъ ко мнѣ. Я быстро перевелъ разговоръ на смерть моей несчастной под-

руги. «Она мнѣ написала любопытное письмо, которое я сейчасъ прочту тебѣ. Оно, кажется, при мнѣ. Ты былъ правъ, спокойно прибавилъ онъ, она была страстно влюблена въ меня».

И онъ протянулъ мнѣ письмо. Я сохранилъ его, вотъ оно:

Мой дорогой другъ!

Я не увижу васъ больше и теперь, когда я это знаю, я не имѣю силъ молчать о томъ, что мнѣ хотѣлось вамъ сказать столько разъ. Я должна бы все таки молчать, чтобы не огорчить васъ, но я надѣюсь, что теперь, когда вы будете знать мою тайну, вы сохраните хоть маленькое мѣсто въ нашихъ воспоминаніяхъ о нашемъ умершемъ другѣ.

То, что я вамъ скажу, я любилъ васъ уже. Я скоро догадалась, что вы не будете любить маленькую провинціалку, какою я была тогда, и я постаралась походить на тѣхъ, которые вамъ такъ нравились. Да, я думала, что если я сдѣлаюсь блестящей женщиной, я найду, можетъ быть, путь къ вашему сердцу. Вотъ печальная тайна всей моей жизни. Я рада теперь умереть, когда знаю, что не могу достигнуть моей цѣли».

И немного ниже, дрожащимъ почеркомъ, она прибавила:

«Я хотѣла-бы вамъ сказать еще многое, но я слишкомъ разбита-измучена».

Гизель».

— Да, прибавилъ онъ, когда я прочелъ письмо—, это бѣдное дитя полюбило страстно, но несчастною любовью. Нужно быть разумнѣе. Я какъ разъ сегодня пришелъ тебѣ сказать, что скоро женюсь. Я женюсь на дочери г. Р., который былъ моимъ шефомъ. Онъ мнѣ уступаетъ свое мѣсто нотаріуса».

— И когда онъ уходилъ, чтобы пойти сдѣлать покупки со своею невѣстою, онъ прибавилъ:

— Удивительныя вещи иногда происходятъ на, свѣтѣ».

А. Р.

Гаданье.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1898 годъ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ, НАУЧНУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И КОММЕРЧЕСКУЮ
ГАЗЕТУ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

На глазах наших постоянных читателей в «Одесских Новостях» за истекший годъ произошли крупныя перемены. Оставшись вѣрными разъ навсегда усвоенному направленію, чуждому узкой партійности и всякой національной исключительности, поставивъ своей задачей *неуклонное служеніе вѣчнымъ идеаламъ человечества — прогрессу и культурѣ, гуманности и вѣротерпимости* — газета наша не переставала стремиться впередъ по пути дальнѣйшихъ усовершенствованій.

Поочередно въ газетѣ появляются фельетоны

«ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРА», литературно-критическіе очерки — М. А. ПРОТОПОПОВА.

«МЕЖДУ КНИГОЙ И ЖИЗНЬЮ», журнальныя обзорѣнія — В. П. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО.

«ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПИСЬМА», НОМО NOVUS.

«МОСКВА И МОСКВИЧИ», г. АРСЕНІЯ Г.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ БЕСѢДЫ — В. А. ВЕРТЕНСОНА

ЮРИДИЧЕСКІЯ ОБОЗРѢНІЯ — Е. В. ВАСЬКОВСКАГО,

МЕДИЦИНСКІЯ БЕСѢДЫ — д-ра ВЕНДЕРСКАГО,

ОЧЕРКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ П. И. ЗВѢЗДИЧА и проч.

Въ «Одесских Новостяхъ» принимаетъ въ настоящее время ближайшее и постоянное участіе извѣстный публицистъ ДАЛИНЪ (Д. А. ЛИНЕВЪ), статьи котораго по вопросам и нуждамъ провинціи обратили на себя вниманіе русской читающей публики.

Въ отдѣлѣ беллетристики были напечатаны у насъ въ текущемъ году повѣсти и рассказы К. С. БАРАНЦЕВИЧА, А. С. ГРУЗИНСКАГО, Д. Л. МОРДОВЦЕВА, М. П. НЕВѢЖИНА и др., а также нѣкоторыя произведенія иностранной литературы. Въ будущемъ мы разсчитываемъ, уступая желаніямъ нашихъ подписчиковъ, значительно расширить беллетристическій отдѣлъ газеты.

Въ будущемъ году, между прочимъ, будутъ напечатаны въ «Одесских Новостяхъ» ДВА БОЛЬШИХЪ ОРИГИНАЛЬНЫХЪ РОМАНА нашихъ извѣстныхъ беллетристовъ:

- 1) „ПЕКЛО“, романъ Вл. И. НЕМИРОВИЧА ДАНЧЕНКО и
- 2) „ДѢТИ СОЛНЦА“, романъ въ 2-хъ частяхъ И. Н. ПОТАПЕНКО.

Въ настоящее время въ «Одесских Новостяхъ» принимаютъ постоянное участіе слѣдующія лица: Арсеній Г., проф. Г. Е. Афанасьевъ, Я. С. Балабанъ, К. С. Баранцевичъ, д-ръ И. Вендерскій, В. А. Вертensonъ, магистръ Е. В. Васьковскій, проф. И. Я. Гурляндъ, А. Грузинскій, Герцогъ Лоранъ (псевд.), Далинъ (Д. А. Линева), Номо Novus (псевдонимъ), С. С. Заевъ, П. И. Звѣздичъ, (псевд.) Г. В. Зуевъ, профес. С. И. Иловайскій, А. Е. Кауфманъ, профес. А. И. Кирпичниковъ, Л. А. Куперникъ, профес. А. И. Маркевичъ, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Г. Михайловскій-Гаринъ, Митридатъ (псевд.), Нааке, П. М. Невѣжинъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, прив.-доцентъ Р. М. Орженекій, прив.-доцентъ М. Г. Попруженко, О. Я. Пергаментъ, И. Н. Потапенко, М. А. Протопоповъ, В. П. Преображенскій, Н. С. Рашковскій, И. М. Рева, профес. Ѡ. И. Успенскій, И. М. Хейфець, А. И. Черкасъ, С. Н. Южаковъ, А. С. Эрманъ и др.

Подписная цѣна въ Одессѣ.

Безъ доставки.		Съ доставкой.	
На 1 мѣсяць	р. 90 к.	1 р.	— к.
» 3	» 2 » 50 »	2 »	75 »
» 6	» 5 » — »	5 »	— »
На годъ 8 » — »	9 »	— »

Подписная цѣна съ пересылкой въ города:

На 1 мѣсяць	1 р.	10 к.
» 3	»	3 »	— »
» 6	»	5 »	50 »
На годъ	10 »	— »

За границу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяць. Для годовыхъ подписчиковъ допускается РАЗСРОЧКА во взносъ подписной платы — для иностранцевъ: при подпискѣ 5 р. и до начала второго полугодія 5 р.; для городскихъ — при подпискѣ 5 р. и до начала второго полугодія 4 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Одессѣ — въ Главной конторѣ на Ланжероновской ул., д. № 30. Телефонъ № 230. Редакція помѣщается тамъ-же.
Редакторъ-Издатель А. П. Старковъ. Редакторъ Е. В. Васьковскій.